

Дмитрий Сичинава
Институт русского языка РАН / Потсдамский университет
mitrius@gmail.com

Dmitri Sitchinava
Institute of Russian Language RAS / University of Potsdam
mitrius@gmail.com

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА: ОТ ХОДАСЕВИЧА К ВАГИНОВУ ИЛИ НАОБОРОТ?

HEAVY LYRE IN POEMS BY KHODASEVICH AND VAGINOV: WHAT WAS THE DIRECTION OF BORROWING?

В статье выдвинута гипотеза о заимствовании образа *тяжелой лиры* в направлении, противоположном предполагавшемуся ранее — из неопубликованного при жизни автора стихотворения К. Вагинова «Петербургжцы» в «Балладу» Владислава Ходасевича. Стихотворение Вагинова, точная дата создания которого неизвестна, с большой вероятностью было написано ранее знаменитого текста Ходасевича; контекст образа у младшего поэта не связан с контекстом и идеологией «Баллады». Предлагаются также другие комментарии и соображения, связанные с основным сюжетом.

Ключевые слова: Владислав Ходасевич, Константин Вагинов, 1921 год, интертекст, литературный Петроград.

The article puts forward a hypothesis that the phrase *heavy lyre* might be borrowed from Konstantin Vaginov's poem "The Petersburgians", unpublished during the author's lifetime, by Vladislav Khodasevich for his famous "Ballad", rather than in the opposite direction as previously assumed. Vaginov's poem, the date of which is uncertain, was quite likely written earlier than Khodasevich's. The context of the younger poet's verse is unrelated to the context and ideology of the "Ballad". Other comments and considerations related to the main plot are also offered.

Keywords: Vladislav Khodasevich, Konstantin Vaginov, 1921, intertexts, literary Petrograd.

Генезису образа *тяжелой лиры*, давшего название одному из вершинных сборников Владислава Ходасевича, посвятил специальную работу П. Успенский (Успенский 2014). В ней он детально разбирает идеологическую важность этого образа для самого Ходасевича, а также его подтексты

из «золотого века» русской поэзии (образ лиры и идея ее передачи у Державина, *томов премногих тяжелей* Фета и др.). В центре его статьи, разумеется, находится знаменитая «Баллада», писавшаяся 9–22 декабря 1921 г., где и появляется этот образ. П. Успенский упоминает (в примечании) и прямую лексическую параллель для словосочетания *тяжелая лира* в готовом виде — «Но тяжела святая лира!» у Каролины Павловой в послании «Е. А. Баратынскому» (1842). Ранее эту переключку уже отмечала И. Роднянская в энциклопедической статье о поэтессе: «Стихи П., безусловно, запали в память рус. поэтам 1-й пол. XX в.: аллюзии на П. — у Брюсова, давшего назв. “Святое ремесло” разделу кн. “Зеркало теней”, у Цветаевой (наименование книги стихов “Ремесло” и др.), даже у не любившего ее поэзию В. Ф. Ходасевича: его образ “тяжелой лиры” скорее всего восходит к строке П. “Но тяжела святая лира”» (Роднянская 1999: 498). Впрочем, Успенский не склонен преувеличивать значение этого подтекста по сравнению с державинско-фетовской линией: «Известную Ходасевичу строку из послания Павловой можно трактовать как интерпретационную модель, позволившую в новом свете увидеть прозаические и поэтические высказывания Державина» (Успенский 2014: 464).

Но в русской поэзии можно найти и другие *тяжелые лиры*¹, например, в стихотворении Константина Вагинова «Петербуржцы»:

Мы хмурые гости на чуждом Урале,
Мы вновь повернули тяжелые лиры свои:
Эх, Цезарь безносый всея Азиатской России
В Кремле Белокаменном с сытой сермягой, внемли.

Юродивых дом ты построил в стране белопушной
Под взвизги, под взлеты, под хохот кумачных знамен,
Земля не обильна, земля неугодна,
Земля не нужна никому.

Мы помним наш город, Неву голубую,
Медвяное солнце, залив облаков,
Мы помним Петрополь и синие волны,
Балтийские волны и звон площадей.

Под нами храпят широкие кони,
А рядом мордва, черемисы и снег.
И мертвые степи, где лихо летают знамена,
Где пращурьы встали, блестя, монгольской страны.

Перед нами откровенно антисоветское стихотворение, достойное (как сказал бы его адресат) *озлобленного белогвардейца*, однако же вышедшее из-под пера недавнего — мобилизованного после обыска у родителей —

¹ Отметим еще два параллельных основному сюжету контекста, где *лира* поэта сперва противопоставляется *тяжелому* инструменту (деструктивному или конструктивному), но лишь с тем, чтобы призвать их к единству: «Славь тяжелых ломов взмахи, / Лиры гордой не покинь...» (Брюсов, «Лик Медузы», 1905); «Никогда, никогда не боялась лира / Тяжелого молота в братских руках!..» (Мандельштам, «Актер и рабочий», 1920).

бойца Красной армии. Вероятно, в нём отразились какие-то реалии переброски частей, где служил Вагинов (ср. «В Польшу налет — и перелет на Восток...» в «Юноше»), хотя о степени документальности деталей мы судить не можем². Ключевая тема — нередкая в те годы трактовка переноса большевистской столицы в Москву в 1918 г. как реванша азиатчины, направленного против европейского Петербурга (*Петроград* в этой системе координат, в том числе и на титульных листах выходивших номинально в нем поэтических сборников, попросту не существовал).

Ряд антибольшевистских поэтических откликов на переезд Совнаркома включает, например, созвучное вагиновскому стихотворению «Всё чуждо нам в столице непотребной...» Осипа Мандельштама или (насколько можно судить, с иным подходом) запомнившиеся Георгию Иванову и Ирине Одо-евцевой строки «Что они с тобою сделали, / Бедная моя Москва!..» из несохранившегося текста царскосела Всеволода Рождественского (Лекманов 2020: 534). Аллюзия в начале на псалом 136 (*При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы*) добавляет к сюжету метафору «вавилонского пленения» петербуржцев и заставляет читать строки «Мы помним наш город...» на фоне *Аще забуду ты, Иерусалиме...* Слова «Земля не обильна, земля неугодна, земля не нужна никому» отсылает уже не к петровской эпохе, а к «Повести временных лет»: с большевиками «обнулилась» и предыдущая попытка европеизации России — призвание варягов; всякие надежды на «порядок» уже бесперспективны. Возможно видеть здесь и источник-посредник: неоднократно выраженную историософскую концепцию ценимого в кругу акмеистов западника А. К. Толстого, — но без полной обязательности: к 1910-м годам эта схема, с унаследованными от цивилизационных споров 1840-х «киевским», «московским» и «петербургским» периодами, стала уже широким достоянием. С идейным содержанием стихотворения тесно связано и авторское «мы», причем даже независимо от того, держался ли красноармеец Вагинов в компании единомышленников-земляков; такое же «мы» выбрано, например, с первых же слов в «Мы здесь вдали от сугробов...» и «Мы запада последние осколки...», в то время как лишённые подобных деклараций «У каждого во рту нога его соседа...» или «Юноша» написаны от лица индивидуального «я».

² «Петербургцев» обсуждает С. Кибальник в своей обнародованной как будто бы только в электронном виде и теперь труднодоступной биографии Вагинова (Кибальник 2012: 41–42) в качестве биографической параллели к словам об одном из героев «Козлиной песни»: «Он ругал красных, где только мог, но служил им честно». Здесь же ошибочно утверждается, что «Петербургцы» были опубликованы в *Путешествии в хаос*, и что якобы Вагинов «скупал и сжигал» сборник именно из-за наличия в нем этого и подобных произведений (но уже на с. 73 со ссылкой на Л. Черткова приводятся правильные сведения). В книге Кибальника отмечено, что стихотворения Вагинова — едва ли не единственный известный нам независимый биографический источник о его службе в Красной армии, фактически пересказывавшийся мемуаристами, и что даже вдова поэта А. И. Фёдорова в ответ на вопросы об этом времени цитировала поэтические строки (Кибальник 2012: 43–44).

Даже и не учитывая карикатурное обращение к образу Ленина (ср. Кибальник 2012: 42; вероятно, сюда же и поволжско-монгольский стереотип, эксплуатировавшийся в соответствующем контексте многими авторами, от Сергея Нельдихена до Арсения Несмелова), «Петербуржцы» — это не просто совершенно непригодные для советской цензуры, но и политически опасные стихи, плакатность которых выглядит на фоне усложненной и сдержанной вагиновской поэтики ощутимо непривычной. Поданные с совсем иной, отстраненной интонацией ужасы Гражданской войны можно обнаружить в его печатавшемся в СССР стихотворении 1922 года «Юноша» («Помню последнюю ночь в доме покойного детства...») с его овидиевским подтекстом³ и тем же образом «сермяги» — но там «сермяжное войско» окружает уже не вождя в Кремле (с кирпичных стен которого только начинала облезать привычная дореволюционная побелка), а самого лирического героя.

Действительно, публикация «Петербуржцев» в России до конца советской власти была невозможна: впервые стихотворение напечатано Л. Чертковым в 1982 году в мюнхенском *Собрании стихотворений*. Оно примыкает в этом издании к вышедшему в 1921 году в *Петербурге* (и разрешенному петроградской «Р. В. Ц.») сборнику Вагинова *Путешествие в хаос*. Как указано в примечаниях к мюнхенскому изданию (сохраняем орфографию и пунктуацию Л. Черткова), «здесь нами добавлены несколько впервые публикуемых стихотворений, относящихся к этому циклу, но не вошедших в издание по-видимому из цензурных соображений». «Петербуржцы», вместе с рядом других текстов, «печатаются с рукописных автографов, относящихся к сборнику» (Вагинов 1982: 209). Конкретнее выражается автор введения к этой книге Вольфганг Казак: «Леонид Чертков, составивший предлагаемое первое комментированное издание всех доступных стихотворений Вагинова, имел возможность сверить большинство из них с рукописным подлинником. Сборник "Путешествие в хаос" (1921, переиздание 1972) он пополнил пятью до сих пор неопубликованными, однако предусмотренными для него стихотворениями» (Вагинов 1982: 8).

³ В комментированных изданиях вагиновской лирики никак не отмечена — ср. А. Дмитренко (Вагинов 2002: 164–167) или А. Герасимова (Вагинов 2012: 167–168) — подчеркнутая связь написанного дериватом элегического дистиха «Юноши» с хрестоматийной элегией *Tristia I, 3* Овидия, который, согласно составленной в 1923 г. автобиографии Вагинова, с детства был одним из его любимых авторов (Вагинов 2012: 272). По неопубликованным наблюдениям Ф.С. Корандея (2012), параллели идут от зачина «Помню последнюю ночь...» — ср. *Cum subit illius tristissima noctis imago, quod mihi supremum tempus in urbe fuit...*; упомянуто в (Плунгян 2005: 867) — до трагического финала «Стаи белых людей лошадей грызут при луне» (ср. мирное *Lunaque nocturnos alta regebat equos*; впрочем, как указал нам Вс. Зельченко, «кони Луны» — популярный мотив латинской поэзии вообще). В развивающем мотивы «Петербуржцев» стихотворении «Мы запада последние осколки...» (1923) имя Назона названо прямо: «Удел Овидия влечим мы в нашем доме». Неформальный «овидиевский цикл» пересекается в творчестве Вагинова с «армейским», парадоксальным образом описывая героя уже по возвращении в покинутый Город.

Эти же сведения за Чертковым повторяет А. Герасимова, следующая и его эдиционному решению (Вагинов 1998: 165–166), хотя к чертковскому корпусу «Путешествия в хаос» она добавляет еще одно, не вошедшее в его свод стихотворение «Вечером желтым как зрелый колос...» с датой «16 мая 1921» из альбома В. В. Смиренского. В комментарии к «Петербуржцам» она отмечает интересующее нас словосочетание так: «*Тяжелые лиры* — возможно, аллюзия к названию поэтической книги Вл. Ходасевича “Тяжелая лира” (1922)» (Вагинов 1998: 166). И в самом деле, естественно, — даже, можно сказать, напрашивается — увидеть здесь самый первый этап рецепции если не одноименной книги, то самой «Баллады» Ходасевича, очень популярной среди петербургских поэтов, а впоследствии на волне этой популярности незаконно попавшей даже в первую антологию эмигрантской поэзии *Якорь* Адамовича и Кантора (*Якорь* 2005: 33–35). История этой рецепции — повод для отдельной работы, где найдется место не только прямым цитатам («Смерть Ходасевича» Глеба Семёнова, 1960-е), но и довольно неожиданным контекстам: *гири на лире* в посвященном памяти Игоря Северянина стихотворении 1946 года у Георгия Шенгели, или кальке еще павловской конструкции: *Но тяжела классическая лира!* — в финале поэтического некролога Николаю Заболоцкому, написанного эстетическим консерватором Анатолием Передревым (1968).

Известно о знакомстве Ходасевича с молодым Вагиновым и его стихами, о которых старший поэт вспоминал в «Парижском альбоме» (1926): «Стихи, которые Вагинов читал в кружке “Звучащая раковина” и на “напельбаумовских понедельниках”, были довольно несуразны, до последней степени метафоричны, и до смысла в них трудно было добраться. Но в самой несвязице вагиновских стихов было что-то “свое”, она была как-то своеобразно окрашена. Наконец, звучала в них подлинная ритмичность, они были к тому же хорошо инструментованы. Словом, казалось, что из Вагинова может получиться некоторый толк. <...> Так смотрели на стихи Вагинова многие, в том числе покойный Гумилёв, человек зоркого и тонкого понимания во всём, что касалось *формальной* стороны в поэзии» (Ходасевич 1990: 402). Далее следует скептическое отвержение «обманутых надежд» (если вспомнить название более ранней статьи Ходасевича об Игоре-Северянине) на примере стихотворения Вагинова «Не человек: всё отошло, и ясно...», существенной содержательности в котором критику отыскать по-прежнему не удалось.

Разбор этого случая, в том числе в контексте литературной репутации Вагинова и литературной программы Ходасевича, содержится в статье (Зельченко 2020), где, помимо прочего, представлен и замечательный анализ того, что, собственно, «хотел сказать» Вагинов в «Не человек...». Кроме того, в очерке «Во Пскове» Ходасевич цитирует — боюсь, опять-таки как «несуразный» курьез, — неточно запомнившуюся ему строку «покойного поэта Константина Вагинова» «У каждого во рту нога <его> соседа» (Хо-

дасевич 1935: 3), тогда еще не опубликованную. Стихотворение датируется 1922 годом и содержательно относится к тому же «армейскому циклу»; я не исключаю, что Ходасевичу могли быть интереснее (или хотя бы просто четче врезаться в память) именно те из вагиновских текстов, где «до смысла добраться» было проще и без специального «медленного чтения» и анализа метафор считывались реалии эпохи и авторская позиция. Безусловно, и Вагинов знал в 1921–1922 гг. новые стихи Ходасевича, слышал их в авторском исполнении и вполне мог вставить в «Петербургцев» аллюзию на них (а через них — и на весь державинско-фетовский подтекст).

Но *когда* написано стихотворение Вагинова с *тяжелыми лирами*? Если действительно, как пишет Л. Чертков, оно «относится» к сборнику «Путешествие в хаос» и не вошло в его печатную версию по цензурным (в данном случае, практически наверное, автоцензурным) соображениям, то оно не может быть откликом не только на вышедшую в 1922 году книгу «Тяжелая лира», но и, вероятно, даже на предновогоднюю «Балладу» Ходасевича. Поскольку «Путешествие в хаос» вышло в конце 1921-го, не позднее 9 января 1922 года (Литературная жизнь... 2005: 274–275), вставить в его доцензурную рукопись отклик на стихотворение, завершённое 22 декабря, поэт скорее всего не успел бы. Конечно же, автографы, с которыми работал Л. Чертков, могли содержать *addenda*, попавшие в комплекс «Путешествия в хаос» уже после выхода печатной книги и не отнесенные автором в составленный им в 1922 году следующий, — на сей раз существовавший только в рукописном виде, — сборник *Петербургские ночи*⁴.

Действительно, только одно из этих не вошедших в печатную книгу стихотворений эксплицитно датировано — это «На палубах Летучего Голландца...»⁵, помеченное февралем 1921 года. В этой связи отмечу, что другое политически неприемлемое стихотворение «Мы здесь вдали от сугробов...», перекликающееся с «Петербуржцами» содержательно и метрически (дольник на основе 3-стопного амфибрахия; в «Петербуржцах» — вольный амфибрахий с отдельными дольниковыми строками) Л. Чертков печатает «с уцелевшего корректурного оттиска» (Вагинов 1982: 209), то есть этот текст в конце 1921 года уже существовал и подавался в цензуру вместе с остальным сборником; написан же он, вероятнее всего, незадолго до этого, той же зимой (если верно, что в нем речь идет о голоде в Поволжье).

⁴ Возможным аргументом в пользу поздней даты «Петербургцев» можно считать *безносого Цезаря* — если трактовать его как памфлетный образ «Ленина-сифилитика», который вряд ли стал расхожим раньше инсультов Ленина в 1922 г. и особенно его смерти в 1924 г., сопровождавшейся новой волной слухов. Но это может быть и вариация на тему «калмыцкого» стереотипа, не говоря уже о других мотивах («крушение культуры, затронувшее и самих вождей»).

⁵ Зачин Вагинова навеян начальной строкой «На палубе разбойничьего брига...» Вс. Рождественского (1919), в свою очередь взятой из прозы Лермонтова («Княжна Мери»); позже этот лермонтовский ямб использует как стихотворную строку еще Илья Голенищев-Кутузов («Вариация на мотив Лермонтова», 1930-е).

Нет ли в самом содержании «Петербуржцев» признаков, указывающих на то, что и противоположное направление заимствования — из воспринятых на слух «несуразных» и «метафоричных» стихов Вагинова в прославленную «Балладу» мэтра, в (под)сознании которого актуализировались строки Каролины Павловой и совсем иной идейный слой, — тоже возможно?

На мой взгляд, контекст, в который у Вагинова включены *тяжелые лиры*, не обнаруживает явных следов ученических заимствований у старшего поэта. В отличие от вавилонских пленников, вагиновские петербуржцы на Урале не «повесили» свои — излишне для этого отягощенные скорбью! — лиры на кусты, а всё же берутся за трудную и плачевную песню, обращенную к пленившему их «Цезарю». Сочетание *повернуть тяжелые лиры*, где *повернуть* паронимически подменяет библейское *повесить*, приходит, кажется, минуя ходасевичевскую идею преемственности Державину или Тютчеву, из мандельштамовского *огромного, неуклюжего, скрипучего поворота руля*⁶. «Гимн» («Сумерки свободы») написан и впервые напечатан в 1918 г., и стихотворение, несущее сдержанный оптимизм по отношению к новой действительности, могло встретить у Вагинова полемический отклик. Разумеется, и его Вагинов мог слышать от Мандельштама в том же «Доме Искусств».

Эта заметка не столько разрешает главный вопрос, сколько ставит новые: какова история автографов, «относящихся/примыкающих» к «Путешествию в хаос»? верно ли, что поэтика этого стихотворения ближе к ранним «гаерским» эксцентрическим вещам Вагинова, чем к более зрелым? мог ли Вагинов читать настолько политически острые стихи — и в каком кругу? до ареста Гумилёва и после?⁷ — но в то же время, дополняет историю образа *тяжелой лиры* даже вне зависимости от ответов на них.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагинов Константин. *Собрание стихотворений*. Сост., послесл. и примеч. Л. Черткова. Предисл. Вольфганга Казака. München: Otto Sagner Verlag, 1982.
 Вагинов Константин. *Стихотворения и поэмы*. Под ред. А. Герасимовой. Томск: Водолей, 1998.

⁶ Как предположил Вс. Зельченко, в контексте глагола *повернули* могут иметься в виду колесные лиры — и тогда здесь, в соответствии с общим тоном стихотворения, выступает более сниженная, фольклорная образность, в отличие от семантики лиры в русской классической традиции (и у Ходасевича).

⁷ Вообще говоря, спектр антисоветских произведений поэтов этого круга и этого времени — от заведомо бесцензурных «Если плохо мужикам...» и «У ворот Ерусалима...» Николая Гумилёва до уже упомянутых в настоящей заметке стихотворения Всеволода Рождественского или амбивалентного сонета Сергея Нельдихена (первое из них, если верить Одоевцевой, «восхищало Луначарского», а второй был напечатан в 1922 г.), — предметом специального изучения не был. Было бы интересно рассмотреть, как в них преломляется эзопов язык, историософские концепции или даже прямая агитационная задача.

- Вагинов Константин. *Петербургские ночи*. Под ред. А. Дмитренко. Санкт-Петербург: Гиперион, 2002.
- Вагинов Константин. *Песня слов*. Под ред. А. Герасимовой. Москва: ОГИ, 2012.
- Зельченко Всеволод. «Начинаю вчитываться очень медленно...». *Ходасевич versus Вагинов*. *Новый Мир* 2 (2020): 195–202.
- Кибальник Сергей. *Труды и дни Константина Вагинова*. Б. м., 2012. <Электронная публикация РГНФ>.
- Лекманов Олег. «Жизнь прошла. А молодость длится...»: *Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы»*. Москва, АСТ, 2020.
- Литературная жизнь России 1920-х годов*. Том 1. Часть 2. *Москва и Петроград. 1921–1922 гг.* Отв. ред. А. Галушкин. Москва, ИМЛИ РАН, 2005.
- Плунгян Владимир. «К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника». *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. Отв. ред. В. Н. Топоров. Москва: Языки славянской культуры, 2005: 857–869.
- Роднянская Инна. Павлова, Каролина Карловна. *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 4: М — П. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1999: 493–499.
- Успенский Павел. «Лирь лабиринт»: почему В. Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»?». *Лотмановский сборник*. Вып. 4. Москва: ОГИ, 2014: 450–467.
- Ходасевич Владислав. «Во Пскове (из советских воспоминаний)». *Возрождение* (Париж) 3795 (24 октября 1935): 3–4.
- Якорь. Антология русской зарубежной поэзии*. Составили Г. В. Адамович, М. Л. Кантор. Под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005.

REFERENCES

- Hodasevich Vladislav. «Vo Pskove (iz sovetskih vospominanij)». *Vozrozhdenie* (Parizh) 3795 (24 oktyabrya 1935): 3–4.
- Kibal'nik Sergej. *Trudy i dni Konstantina Vaginova*. B. m., 2012. <Elektronnaya publikaciya RGNF>.
- Lekmanov Oleg. «Zhizn' proshla. A molodost' dlitsya...»: *Putevoditel' po knige Iriny Odoevcevoj «Na beregah Nevy»*. Moskva, AST, 2020.
- Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-h godov*. Tom 1. CHast' 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. Отв. ред. А. Galushkin. Moskva, IMLI RAN, 2005.
- Plungyan Vladimir. «K evolyucii russkoj metriki: nemonotonnaya sillabo-tonika». *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statej k 70-letiyu T. M. Nikolaevoj*. Отв. ред. V. N. Toporov. Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005: 857–869.
- Rodnyanskaya Inna. Pavlova, Karolina Karlovna. *Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskij slovar'*. T. 4: M — P. Moskva: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1999: 493–499.
- Uspenskij Pavel. «Liry labirint'»: pochemu V. F. Hodasevich nazval chetvertuyu knigu stihov «Tyazhelaya lira»?». *Lotmanovskij sbornik*. Vyp. 4. Moskva: OGI, 2014: 450–467.
- Vaginov Konstantin. *Sobranie stihotvorenij*. Sost., poslesl. i primech. L. Chertkova. Predisl. Vol'fganga Kazaka. München: Otto Sagner Verlag, 1982.
- Vaginov Konstantin. *Stihotvoreniya i poemy*. Pod red. A. Gerasimovoj. Tomsk: Vodolej, 1998.
- Vaginov Konstantin. *Peterburgskie nochi*. Pod red. A. Dmitrenko. Sankt-Peterburg: Giperion, 2002.
- Vaginov Konstantin. *Pesnya slov*. Pod red. A. Gerasimovoj. Moskva: OGI, 2012.
- Zel'chenko Vsevolod. «Nachinayu vchityvat'sya ochen' medlenno...». *Hodasevich versus Vaginov*. *Novyj Mir* 2 (2020): 195–202.
- Yakor'. Antologiya russkoj zarubezhnoj poezii*. Sostavili G. V. Adamovich, M. L. Kantor. Pod red. O. Korosteleva, L. Magarotto, A. Ustinova. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2005.

Дмитриј Сичинава

ТЕШКА ЛИРА: ОД ХОДАСЕВИЧА ПРЕМА ВАГИНОВУ ИЛИ ОБРНУТО?

Резиме

У раду се износи хиопотеза да је слика *тешке лире* у “Балади” Владислава Ходасевича преузета из потпуно другачијег извора, супротног од оног како се раније претпостављало — из песме Константина Вагинова “Петербуржани”, која није била објављена за ауторовог живота. Вагиновљева песма, чији тачан датум настанка остаје непознат, с великом вероватноћом је била написана пре чувеног Ходасевичевог текста; контекст слике код млађег песника није у вези с контекстом и идеологијом “Баладе”. Предлажемо другачије коментаре и запажања, везана за главну тему песме.

Кључне речи: Владислав Ходасевич, Константин Вагинов, 1921, интертекст, књижевни Петроград.